

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Тапа для
КАПРИЗУЛИ
РИН СКАЙ

Рин Скай

Папа для Капризули

«Автор»

2026

Скай Р.

Папа для Капризули / Р. Скай — «Автор», 2026

Власть генерального в офисе абсолютна. Моя жизнь вне офиса — постоянная борьба с бывшим за нашу дочь. Я пытаюсь не показывать слабость, пока бывший муж атакует через суд и опеку. И только мой начальник способен поставить точку — не приказом, а выбором: стать для моей дочери-капризульки отцом не по бумаге, а по сердцу.

© Скай Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	11
ГЛАВА 5	12
ГЛАВА 6	14
ГЛАВА 7	16
ГЛАВА 8	18
ГЛАВА 9	20
ГЛАВА 10	22
ГЛАВА 11	24
ГЛАВА 12	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рин Скай

Папа для Капризули

ГЛАВА 1

АНТОНИНА

- Я звоню вам сказать кое-что. – звонит мне воспитатель из детского сада.

- Жанна Петровна, я сейчас на совещании, что-то важное? – волнуясь я, озираясь на переговорную комнату откуда слышится негромкий, но властный голос моего босса. – С Аришкой все в порядке?

- Да, с Аришей все хорошо. – отвечает воспитательница из садика, куда ходит моя трехлетняя дочка.

- Послушайте, я потом вам перезвоню. – умоляю я, потому что знаю – босс такого самоуправства не простит. А мне работу сейчас терять нельзя.

- Нет, постойте, Антонина Александровна, настаивает воспитательница, только что мне звонил ваш бывший муж.

- ЧТО?! – моментально превращаюсь я в комок нервов, забыв о важном совещании. – Что ему нужно? Что он хотел?!

- Антон Дмитриевич Березин сказал, что сейчас приедет и заберет дочь.

- Нет... ни в коем случае, не отдавайте ему Аришку! – вмиг пересыхает у меня в горле.

- Я не могу не отдать. Он отец. Вы же знаете, у него есть постановление от суда. – шепчет в трубку Жанна Петровна. - Я не имею права не отдать. Но решила, что вы должны знать.

- Спасибо вам огромное, Жанна Петровна, да, хорошо, что вы предупредили меня. Пожалуйста, придумайте что-нибудь... я отпрошусь у начальства и мигом приеду.

- Уже придумала. – успокаивает меня Жанна Петровна. – Вернее, так совпало. Сейчас у детей тихий час. Они спят до трех. Я попросила его заехать после трех, чтобы Аришка выпалась и не капризничала.

Смотрю на часы на тонком запястье. Четырнадцать ноль пять. Есть время. Если поторопиться, то я успею. Должна успеть! Нельзя отдавать дочь Антону, иначе я ее больше не увижу. Бывший муж – тот еще говнюк. Всю кровь уже выпил, а все никак не успокоится!

- Спасибо вам, - от души благодарю я воспитательницу. – Сейчас же буду у вас!

Так, а теперь нужно как-то отпроситься у босса. Не могу же я просто так покинуть офис в разгар рабочего дня. Тем более, что я – правая рука босса. Я обязана сейчас быть на совещании, а я вышла в коридор, потому что увидела, что мне звонят из садика, где сейчас Аришка. Будь это любой другой – я бы не взяла трубку, дождалась бы окончания совещания. Но, так как это – воспитатель моего ребенка, мало ли что могло случиться.

Оправляю блузку и юбку и быстро вхожу в переговорную. Наши новые партнеры показывают презентацию. Босс внимательно ее изучает. Переводит взгляд на меня.

- В чем проблема, Антонина Александровна? – с раздражением в голосе спрашивает мой босс, Юсупов Григорий Андреевич. – почему вы уходите в разгар совещания?

Босс недоволен мною. Ох, плохи мои дела... Меня только недавно повысили до его помощницы, а я постоянно совершаю какие-то ошибки. Мне нельзя терять эту работу. Я снимаю жилье, мне нужно платить за съем. Мне нужно кормить, одевать и обувать дочку. Мне нужно, чтобы у меня на счетах были деньги, чтобы доказать органам опеки, что я в состоянии заботиться о ребенке после развода. А бывший муж не дремлет – он спит и видит, чтобы отобрать у меня ребенка, чтобы еще больше растоптать меня. Но пока суд на моей стороне. А вот бывший муж постоянно жалуется на меня и строчит анонимки в органы опеки, и те ходят

ко мне домой чуть ли не каждую неделю. Но я не сдаюсь. Я все выдержу, чтобы моя Аришка была со мной!

- Антонина Александровна, я переслал вам в чат документы. Срочно распечатайте копии для всех партнеров.

- Григорий Андреевич... - собираюсь я с мыслями. – Простите пожалуйста, мне нужно уйти.

Босс смотрит на меня и его брови вскидываются вверх. Юсупов – очень видный, харизматичный мужчина, под два метра ростом. Симпатичный. Всегда одет с иголочки. Прическа, борода, белоснежные рубашки, начищенные до блеска ботинки. Пиджаки, галстуки, брюки – все в стоимость моей годовой зарплаты. Но характер у него – тушите свет. С другой стороны, если бы он был мягче – не достиг бы таких небывалых высот.

- В каком смысле, уйти? – спрашивает он, недовольно сдвинув густые брови.

- Мне позвонили из садика, где моя дочь. – решаюсь я сказать правду.

Босс молча смотрит на меня, и ждет что я скажу дальше.

- Моя дочь... приболела. – приходится мне соврать. – Вот, воспитательница позвонила, сказала, чтобы я забрала ребенка...

Босс отрывисто смотрит на дорогие часы на своем широком запястье, хмурится, и кивает:

- Через час чтобы были на рабочем месте.

Он меня отпустил... и аж сердце отпускает.

- Простите пожалуйста, я бы хотела остаться с дочерью дома... - решаюсь я обнаглеть до крайней степени.

- Вызовите для ребенка няню, а сама чтобы была в приемной. – непоколебим босс.

- Ладно, буду, спасибо... - бормочу я, и выбегаю из переговорной, пока он не передумал отпускать меня вовсе.

На самом деле, никакой няни у моего ребенка нет. Я еле свожу концы с концами, стараюсь, чтобы у дочери в меню было мясо, рыба, овощи, фрукты и молочка, стараюсь вовремя платить за аренду квартиры, стараюсь выглядеть прилично, хоть и покупаю самые недорогие вещи в гардероб, ведь я являюсь лицом компании и правой рукой Юсупова. А еще я стараюсь с каждой зарплаты откладывать немного на накопительный счет – чтобы в случае чего доказать, что у меня есть на что содержать дочь. Юсупов платит мне приличную зарплату, но, ни на какую няню, денег, естественно не остается. Моя мама далеко. В столице у меня кроме бывшего мужа никого не было. Поэтому и оставить сейчас Аришку мне не с кем. Но я что-нибудь придумаю! Главное, забрать ее из садика вперед бывшего.

ГЛАВА 2

ГРИГОРИЙ

Совещание затянулось. Сам лично ходил за документами, потому что моя секретарша отпросилась. Куда она там ушла? А, впрочем, не важно. Важно то, что я отпустил ее на час, и она, судя по всему, не вернулась до сих пор. Придется уволить. Я не привык к неподчинению. Не привык, когда игнорируют мои приказы.

Вхожу в свой кабинет.

И глазам своим не верю: за моим столом, в моем кожаном кресле сидит... ребенок. Девочка, лет трех-четырех. Пигалица с двумя хвостиками из белокурых волос. Беленькая, как ангелочек. И очень подозрительно мне кого-то напоминающая.

Я настолько в шоке от данной картины, что мои мозги начинают тут же усиленно сообщать. Так, откуда здесь, в моем кабинете, ребенок? Один, без присмотра взрослых? Откуда он здесь взялся и где, черт возьми, его мать?!

Еще и секретарши моей нет на месте. Так бы я ее заставил разбираться с родителями девочки, решившими подкинуть мне свое чадо.

Та-ак... а если это... мой ребенок? Вдруг, одна из моих любовниц в тайне забеременела от меня, и теперь решила подкинуть мне... мою дочь?!

Да нет, быть такого не может, бред какой! Я всегда был слишком осторожен и осмотрителен в подобных вопросах. «Случайно» отцом я стать точно не могу. Значит, ребенок не мой. И все же, откуда он здесь?!

Девочка, тем временем, это самое время зря не теряет. Она уже схватила мою коллекционную перьевую ручку, которой я подписываю только самые выгодные миллионные контракты и всю черкает ей по документам, разложенным на моем столе. Тут же берет мою печать и прикладывает к документу, который только что подписала какими-то каракулями. И все это с таким серьезным сосредоточенным лицом, что мне на мгновение становится не по себе. Ну, малявка, далеко пойдет! Раз уже в три года так уверенно в кресле гендир в документах черкает.

- Ты кто такая? – подхожу я ближе, попутно отмечая, сколько всего она уже успела «подписать» и завизировать печатью.

- Я – Ариша! – четко выговариваю букву «Р», представляется пигалица. – Арина Антоновна. – вдруг добавляет она с полной серьезностью.

Я хмыкаю. Арина Антоновна. И ведь научил же ее кто-то представляться по имени-отчеству.

- Откуда ты здесь взялась?

- Меня мама привела. – отвечает пигалица, как само собой разумеющееся.

А меня холодным потом прошибает. Неужели, правда, мне дочь подкинули?! Вглядываюсь в ангельскую внешность малышки, и пытаюсь отыскать собственные суровые черты лица. И, черт возьми, нахожу! Малышка и впрямь, на меня чем-то похожа. По крайней мере характером, и тем, как она уверенно держится в директорском кресле, держит дорогую ручку, и «подписывает» контракты.

Я, разумеется, планировал стать отцом. В будущем. Но, если этот ангелочек с акульей хваткой – моя дочка, то... почему бы и нет? У меня сейчас нет семьи, я не женат. У меня есть девушка, но ее я не рассматриваю в качестве супруги. Но, похоже, пора остепениться, вон и дочурку уже подкинули.

Ангелочек, тем временем, визирует уже пятый контракт уверенным росчерком пера, ставит печать, и поднимает на меня свои ангельские голубые глазки:

- Кофе мне принесите. – вдруг четко требует она.

- Что?! – трясусь я головой. Может, я приложился где башкой, а теперь мне мерещится всякое?! Ну откуда эта пигалица трехлетняя знает такие слова, как кофе?

- Кофе принесите мне, и побыстрее, а еще отчет распечатайте. – невозмутимо сообщает она мне. – В двух экземплярах. – добавляет, немного подумав.

Я выхожу в приемную, и беспомощно пялюсь на пустое место секретарши Березиной. Сделать ребенку кофе?! Бред какой, детям нельзя кофе. Может, малышка воды хочет?

Я подхожу к кулеру, беру одноразовый стакан, и наливаю воды. А у самого перед глазами проносится, как же я теперь стану жить в качестве отца. Это ведь надо дочку в сад отправить, да не в абы какой, а в самый лучший. Далее, кружки всякие. Английский, карате, фехтование... моя дочь должна быть развитой всесторонне! А потом, школа. Разумеется, частная. Лучшие преподаватели, репетиторы. Потом университет. Образование экономическое. Потом стажировка в моей компании. Вот дочь делает успехи, и я отдаю ей бразды правления. Далее, ее свадьба. Только самый лучший кандидат. Проверенный, успешный, разумеется, абы кому дочь я не отдам. Потом внуки, правнуки...

Стакан воды полон, и я отношу его пигалице.

- Спасибо. – вежливо, но отстраненно отвечает девочка. – Поставьте чашку на стол, и распечатайте мне отчет.

Я даю стакан ей прямо в руки, потому что боюсь, что она может залить мой ноутбук и остальные документы.

- Кто твоя мама?

Девочка не успевает ответить, как в мой кабинет вихрем залетает... Березина! Моя секретарша.

- Господи... - хватается она за сердце, увидев девочку, сидящую за столом с ручкой и водой в одной руке, и с печатью, в другой. – Аришка, ты что здесь... О, Боже, я же сказала тебе посидеть в приемной тихонечко, а ты...

Я кашляю. И начинаю вдруг все понимать.

Березина с опаской переводит на меня взгляд.

- Григорий Андреевич, простите Бога ради... я вышла на секунду, погреть Аришке пюре, я... не думала, что она...

Березина подхватывает девочку на руки. Вода из стакана выливается на мое кресло. Оставшиеся капли окончательно добивают мои документы.

- О, Господи, простите, я сейчас все уберу... - мямлит Антонина, видя, что произошло. – Григорий Андреевич...

Я выставляю руку вперед, чтобы она замолчала и перестала кудахтать.

- Займитесь ребенком. – хмуро приказываю я. – И вызовите уборщицу.

Березина испуганно вылетает из кабинета с моей дочерью на руках. Ведь я уже все распланировал, и садик, и школу, и свадьбу, и внуков... а она оказалась дочкой моей секретарши. А значит, я – точно не могу быть ее отцом, ведь с Березиной меня связывают только деловые отношения. Эх, а какой мог бы быть поворот!

ГЛАВА 3

АНТОНИНА

Бывший муж так и не позвонил, хотя я тряслась весь остаток дня вечера. Так же я боялась, что Антон Березин зайвится к нам домой и учинит дикий скандал, но... вечером было тихо.

Конечно, у меня есть полное моральное право не открывать дверь и не поднимать трубку, если я не хочу видеть бывшего, но, как показала практика, лучше отвечать и открывать, так как мстит он потом самым гнусным способом.

От нервов у меня колотится и побаливает сердце. Мало того, что бывший в который раз истрепал все нервы, так еще и произошедшее на работе окончательно подкосило меня. Я как вспомню, что Аришка учинила в кабинете Юсупова, так ком к горлу подступает. И здесь, разумеется, нет никакой Аришкиной вины. Я виновата целиком и полностью. И если Юсупов меня завтра уволит... я его пойму. Но мне нельзя! Нельзя терять эту работу, только не сейчас!

И Аришку завтра в садик нельзя отводить. Бывший муж недаром затих. Это – не потому, что он передумал забирать Аришку, о, нет. Это затишье перед бурей! Я нутром это чую.

Самой мне остаться дома с Аришкой не вариант. Еще после всего, что произошло, на больничный уходить? Да босс мне такие рекомендации прикажет написать, что меня даже уборщицей ни в одну приличную компанию не возьмут...

Одну Аришку я тоже не оставлю. Выход у меня только один. Позвонить Маруське. Маруська, это моя младшая сестра. Вдруг она согласится приехать и пожить у меня на недельку? Она работает посменно. Три через три, или что-то такое.

Но сначала, надо хоть немного успокоиться и позаботиться о себе. Аришку я уложила спать, а сама иду на кухню – заварить себе большую кружку зеленого чая с мятой. Потом иду с этой кружкой в ванную. Набираю полную ванну теплой воды, щедро наливаю душистой пены, и окунаюсь.

Все же вода снимает весь стресс. Я чувствую, как гудят ноги, как ноют плечи и спина, чувствую, как нервы потихоньку успокаиваются. Пью чай. И только после этого набираю Маруську.

- Привет, сестра, что-то тебя давно не слышно! – тут же отзывается жизнерадостная Маруська.

- Как мама, как папа? – быстро спрашиваю я.

- Они – нормально. По всему дому у нас огурцы, помидоры и прочая рассада - нигде нет свободного места. К дачному сезону готовятся.

- Передавай им привет. – прошу я. – А как ты сама?

- Ну... так себе. – отвечает Маруська.

- А что случилось? – волнуюсь я.

- Уволили меня. – мрачно отвечает сестра. – Выжили. Нагрубил я покупателю. Потому что приставал! – тут же оправдывается она. – Старый пузатый лысый дед! Фу! Представь, мне двадцать, ему – лет восемьдесят! И подкатывает ко мне, да еще мерзко как! Я сказала ему, чтобы на кладбище валил, а не к молодым девушкам лез, так он так оскорбился! На меня три листа жалобы написал, и хозяин выгнал. Вот так! Теперь новую работу ищу... не хочу больше в магазине работать. Ненавижу работать с людьми!

- Ох, Маруська, какой кошмар! – сочувственно произношу я. – А дед этот... - маразматик старый! Все ты правильно ему высказала.

- Тонька, да ладно! А ты сама-то как? Как там наша Капризулька поживает?

- Маруська, ты даже не представляешь, что сегодня произошло... - тяжело вздыхаю я.

- А ну рассказывай! – требует сестренка.

И я рассказываю. Все, без утайки.

- Что, прямо весь ему кабинет Аришка разнесла? – не верит Маруська.

- Не весь, но... документы важные попортила. Ручку его где-то достала коллекционную, которой он выпендривался и документы подписывал. Все исчеркала ею. Потом, схватила его личную печать, и все завизировала...

- Во дает! – с восхищением смеется Маруська.

- Я как увидела, что Аришка за его столом сидит с ручкой и печатью, так меня чуть инфаркт не хватил! – совершенно без преувеличений отвечаю я. – И генеральный стоит и на все это смотрит обалделыми глазами.

- А потом он что? Сильно ругался?

- Нет. – говорю. – Слова не произнес. Но, по мне, так это еще хуже. Завтра просто уволит и все... лучше бы сегодня проорался на меня, выпустил бы свой пар, а так... злобу копит.

- Ну ты так сразу не расстраивайся, - пытается меня успокоить Маруся. – Завтра придешь на работу, как ни в чем не бывало, он даже не вспомнит...

- Маруська, ты всегда такая оптимистка...

- Ну, это же ребенок, он должен понимать, что Аришка это не со зла сделала.

- Так он не на нее злится, а меня уволит.

- Не уволит. Ты ведь предупредила, что тебе нужно в садик за дочерью, а он сказал, на работу вернуться. Куда ты должна была, по его мнению, дочь деть? Сам виноват, что не отпустил тебя домой с ребенком.

- Он сказал няню вызвать. – нервно отвечаю я.

- Ага. А еще горничную и личного шеф-повара. – хмыкает сестра.

- В общем, Маруся, я что звоню. – перехожу я к самому важному. – Аришку в садик я пока не поведу. Потому что Березин может ее забрать в любой момент. Он – отец, у нас совместная опека. Березин с постановлением суда в садик ходит и воспитательнице в лицо тычет, что может беспрепятственно забирать дочь, когда ему вздумается. Надеюсь, через неделю он успокоится и отстанет от нас на какое-то время.

- Ну так больничный возьми, и сиди с Аришкой. Как раз и твой босс поостынет.

- Не могу. Тогда он точно уволит... - всхлипываю я.

- И что ты предлагаешь?

- Маруська... у меня одна надежда, только на тебя!

Маруська думает несколько мгновений. Я не тороплю.

- Маруська, приедь к нам хотя бы на неделю. – прошу я. – Я оплачу тебе дорогу. Свой диван тебе уступлю, сама на полу буду спать. А ты присмотришь за Аришкой, пока я на работе. Маруська, только тебе могу доверить дочь, ты ведь ее родная тетя.

- Ну-у-у... ладно... - неуверенно протягивает Маруська. – А может, я и работу в столице найду...

- Конечно! – тут же поддерживаю я сестру. – Работу подыщешь, а жить пока у нас будешь.

- Когда мне приехать?

- Завтра. – отвечаю я. – Маруська, я на работу в восемь тридцать из дома выхожу. К этому времени ты должна уже быть у нас.

- Так... мне ехать где-то час двадцать на электричке, - быстро прикидывает сестра, - потом на метро минут сорок. Итого в пять утра я должна уже быть на вокзале.

- Да, Маруська, собирай вещи! Я тебе этого Маруська, никогда не забуду! – облегченно выдыхаю я.

- Да ладно, сестренка, друг дружку выручать нужно. Сегодня я тебе помогу, а завтра ты меня выручишь.

- Точно, сестра, даже не сомневайся!

ГЛАВА 4

АНТОНИНА

Утром Маруська не подводит меня. В восемь пятнадцать она уже на пороге моей съемной однушки с дорожной сумкой в руках. Я от души благодарю ее и провожу ей краткий инструктаж на счет того, чем покормить Аришку на завтрак и обед. К ужину я уже должна вернуться, и сама приготовлю что-то нам всем.

Потом бужу Аришку и объясняю, что тетя Маруся посидит с ней. Аришка радуется.

После этого со спокойной душой бегу в метро. Полчаса утренней толкотни и я уже в офисе. И тут, пока я поднимаюсь в лифте, меня накрывает паника: я сейчас должна встретиться лицом к лицу с боссом и объяснить с ним на счет вчерашнего.

- Хоть бы он меня не уволил... Хоть бы он меня не уволил... - повторяю, как мантру, как заклинание.

Вхожу в приемную. Под дверью в кабинете генерального горит полоска света. Он уже на работе. Снимаю пальто и у меня трясутся поджилки. Надо было с утра не кофе пить, а чай с мятой. Я и так волнуюсь, а тут еще кофе...

Вешаю пальто в шкаф, убираю сумку, включаю компьютер и раскладываю свои вещи – в общем, тяну время перед экзекуцией на ковре у босса, как умею.

- Антонина Александровна! – ожидаемо оживает переговорная кнопка на моем столе. – Зайдите.

Я вздрагиваю. По механическому голосу босса мало что понятно. Но, думаю, ничего хорошего меня не ждет.

- Хорошо... - дрожит мой голос. – Вам кофе сразу приготовить?

- Позже. – отрезает босс. – Зайдите сами.

Плохой знак. Плохой. Босс кофе обожает! Пьет его литрами с утра до вечера. А тут, видите ли, не захотел.

Ну ладно, Тонька, взбодрись! – приказываю я самой себе. – ну уволит он тебя, что с того? Любую проблему можно решить. Хватит трястись, как волчий хвост на морозе!

Оправляю блузку и юбку, и иду к боссу. В его кабинете, просторном и светлом, залитым утренним солнцем царит чистота, и приятный запах. Ничего из того, что свидетельствовало бы о вчерашнем погроме – не осталось. Юсупов, в белой рубашке, в галстуке, как всегда невозмутимо восседает в своем кожаном кресле, будто на троне.

- З...здравствуйте, Григорий Андреевич... - заикаюсь я.

- Доброе утро. – холодно отвечает он мне, внимательно изучая мое лицо.

Я вся краснею, от кончиков ушей и до пальцев. Никогда до этого времени он меня так пристально не разглядывал. По крайней мере я такого не замечала. Обычно Юсупов лишь мазнет по мне взглядом, не задерживаясь и переводит его на что-то более значимое.

Может, он ждет от меня извинений? Да, конечно, надо извиниться за вчерашнее.

- Григорий Андреевич, я хотела... извиниться за вчерашнее... - заикаясь дрожит мой голос. – Простите пожалуйста... такого больше не повториться... Я...

- Довольно. – холодно обрывает он жалкие попытки моих оправданий. Прищуривается. Прямо в глаза смотрит.

Ежусь. Комкаю край своей блузки еще больше.

- Скажите мне, Антонина Александровна, лучше вот что... - медленно проговаривает он, не спуская с меня глаз.

- Что...

- Мы с вами, кхм, нигде не встречались, кроме этого офиса? Года четыре назад?

ГЛАВА 5

ГРИГОРИЙ

Лицо Березиной вытягивается.

Ну а что, вполне закономерный вопрос. Вчера, когда я все же отпустил Березину с дочкой пораньше, то, первым делом, пока отмывали мое кресло и приводили в порядок документы, наведалься в отдел кадров. За личным делом моей секретарши.

Семейное положение – разведена.

Есть ребенок, дочка. Месяц назад ей исполнилось три года. Прибавляем сюда девять месяцев в утробе матери, и получаем, плюс-минус четыре года. Уж очень дочка секретарши на меня похожа, а уж по манерам поведения – так вылитая моя копия. По крайней мере, очень похожа.

Смотрю на лицо Антонины не отрывая взгляда. Решаю, могла бы она мне понравиться, как женщина. Могла бы. Она – симпатичная, красивая, я бы даже сказал. Стройная. Фигура ладная. Все как нужно, чтобы зацепить мужской взгляд.

- Нет, Григорий Андреевич. – произносит она, смущаясь. – Мы с вами точно не могли встретиться четыре года назад.

Это – правда. Такую я бы наверняка запомнил. Уж не совсем я кретин, чтобы забыть ту, с кем спал. Но, черт возьми, уточнить было не лишним.

Березина продолжает смущенно глядеть на меня своими большими испуганными глазами темно-синего цвета. Боится, что я ее уволю. Я знаю это. И уволил бы. Я очень на нее разозлен за вчерашний поступок. По ее вине были испорчены и загублены важные документы. Да и сам факт того, что она оставила ребенка без присмотра в моем кабинете просто ужасен! Мало ли что у меня на столе могло быть в тот момент.

Надо наказать Березину, чтобы впредь не повторяла таких ошибок.

- Будут ли какие-то указания, Григорий Андреевич? – блеет Антонина.

- Будут. – твердо отвечаю я. – Идите в отдел кадров.

Березина сглатывает.

- Скажите Нине Алексеевне, чтобы подобрала вам помощницу.

- П... помощницу? – заикаясь, переспрашивает она.

- Именно.

- Но... я справляюсь, Григорий Андреевич! Честное слово, такое больше не повторится!

- Вы, работаете со мной не так давно, - вкрадчиво отвечаю я, - И, вероятно не в курсе, что мои приказы не обсуждаются?

Березина жадно ловит воздух, вдыхает, и растерянно кивает.

- Выполняйте! – холодно отдаю приказ и опускаю взгляд к отчетам.

Березина выходит из моего кабинета, тихо цокая каблучками, и оставляет после себя ненавязчивый цветочный аромат. Хм... а я раньше не замечал, какой потрясающий у нее парфюм! Впрочем, я ее до вчерашнего дня вообще не замечал!

АНТОНИНА

Он – чудовище!

Боже, какое же он все-таки чудовище! Ведь неспроста мне решил помощницу подобрать. Это чтобы я ее всему обучила, а потом Григорий Андреевич просто меня уволит. Выкинет из компании без выходного пособия.

Но, приказ есть приказ, и я покорно бреду в отдел кадров.

- Помощницу хочет? – удивленно вскидывает брови Нина Алексеевна, наша кадровичка.

- Угу.

- А что ты такого сделала, Антонина?
- Вчера кое-что произошло. – признаюсь я. – Босс мною недоволен. Поэтому отдал такое распоряжение.
- Поэтому Юсупов вчера заходил, твое личное дело брал.
- Он взял мое личное дело?! – переспрашиваю я со все нарастающей тревогой.
- Нина Алексеевна кивает.
- Он меня уволит. Теперь я это понимаю.
- Ох, Антонина... - вздыхает Нина Алексеевна. – У тебя самое лакомое местечко. Тихо, тепло, красиво и уютно. А еще зарплата хорошая.
- Это верно.
- Ну как можно совершать ошибки на твоей должности? – сердобольно сокрушается Нина Алексеевна.
- Так случилось. Что теперь поделать?
- Ладно. Подберу нашему генеральному дурочку. Чтобы на твоём фоне особо не выделялась.
- Мне сейчас только этого не хватало, Нина Алексеевна, у меня и так столько проблем! – признаюсь я.
- Я все сделаю, как надо. – кивает добрая кадровичка. – А ты будь начеку. Перестань совершать глупые ошибки.
- Легко сказать... Порой, ошибки вообще от меня не зависят.

ГЛАВА 6

ГРИГОРИЙ

Конец рабочего дня.

Я снимаю очки, тру уставшие, потерявшие резкость глаза от долгого глядения в экран. Встаю, разминаю затекшую спину, и подхожу к окну во всю стену. Закат догорает последними лучами, освещая город внизу.

Надо поехать в зал. Что-то я в последнее время заработался и забросил занятия боксом. Надо уделять время спорту, а то не ровен час отращу себе пузо. А мне нельзя расслабляться. Я еще даже не успел жениться. Поэтому, мне рано терять форму.

Выключаю компьютер, закрываю крышку ноута, подхватываю планшет, и иду к двери. Приоткрываю ее.

Березина! Она еще тоже не ушла. Стоит у окна, зажав телефон плечом. Ее плечи мелко трясутся, будто она плачет.

Я хочу было пройти мимо, кинув короткое слово прощания, но что-то в ее фигуре, хрупкой и миниатюрной, застывшей на фоне заката, заставляет меня остановиться. Мои сотрудники ранее не позволяли проявлять себе эмоции при мне. Тем более, плакать. Но, Березина, к ее чести, и не рыдает в моем кабинете, так, мелко дрожит в своей приемной у окна. Оглаживаю взглядом ее фигуру, задерживаясь на поясице, и на том, что пониже, что скрывается за строгой офисной юбкой-карандаш. Силой заставляю себя поднять взгляд выше.

- Нет, Антон, я не скрываю от тебя дочь! – тихо, но со злостью говорит Березина дрожащим голосом. – Ариша заболела!

Хм... Ариша... эта вчерашняя пигалица, которая попортила мне документы и кресло. Вчера она была здорова. Интересно, чем могла заразиться?

- Я хорошо за ней смотрю! Она в садике подхватила инфекцию. Там полгруппы болеют. Слышно, что Березина возмущена словами собеседника.

- Не надо к нам приходить. Детские инфекции очень заразны! – продолжает дрожать Антонина. – У тебя потом будут две недели сопلي литься, и температура под тридцать семь!

Ого, температура под тридцать семь – это мощно! Я, как и многие, умираю при подобной температуре.

- Вот выздоровеет она и придешь, навестишь.

Ее собеседник рычит в трубку, я не могу разобрать, что.

- Да пошел ты! – едва слышно отвечает Березина, скидывает звонок, и закрывает лицо руками.

Мне становится невыносимо. Я растерян, и не знаю, как отреагировать. Невольно стал свидетелем чужой сцены. К себе не могу вернуться, и пройти мимо, тоже не могу.

Кашляю.

Березина подскакивает от неожиданности и поворачивается в мою сторону.

Тушь размазана, пухлые губы трясутся и неестественно блестят, будто она искусала их во время разговора. Глаза яркие, синие, испуганные.

- Григорий Андреевич... простите... - шепчет Березина, - я не думала, что вы...

- У вас что-то произошло? – прерываю ее.

- Мой бывший муж... - всхлипывает девушка, - Простите, это непрофессионально.

- Что верно, то верно. – соглашаюсь я. – Вам требуется помощь?

- Нет, нет, что вы! – качает головой Антонина. – С вашего позволения, я приведу себя в порядок.

И убегает из приемной, точно ошпаренная. Только и слышу, как быстро цокают ее каблуки по мраморному полу холла.

Хмурюсь.

Значит, ее бывший муж доводит ее до слез. Интересно, как часто? Как она назвала его? Антон? Хм... похоже, он тот еще... Антон!

Ухожу, чтобы не смущать секретаршу, когда она вернется из туалета. Пусть спокойно домой уходит, а то досталось ей сегодня и от меня, и от бывшего мужа, да еще и дочка заболела.

И тут мне в голову прилетает мысль: может, Березиной помощь нужна? Может, какие-то лекарства для дочери? А потом я одергиваю сам себя: ты чего, Григорий, с дуба рухнул? Зачем не в свое дело лезешь? Она – секретарша, ты – генеральный директор. Не положено тебе в личные дела подчиненных лезть!

Злюсь на себя, и выхожу из приемной.

Спускаюсь, выхожу в прохладный вечерний воздух, иду на парковку. Сажусь за руль. Перед глазами все та же испуганная трясущаяся Антонина. Может, все-таки стоило ей помочь?

Так, стоп! Я предлагал. Она отказалась.

Завожу мотор и еду в спортзал. Нужно взбодриться.

ГЛАВА 7

ГРИГОРИЙ

Я молча иду к шкафчикам, скидываю куртку, затягиваю бинты на кистях туже, чем нужно.

В зале почти пусто. Только у ринга возится Алексей — мой тренер, мой старый приятель и человек, который слишком давно меня знает, ведь я не первый год в боксе.

Он поднимает голову, видит меня и сразу усмехается.

— О, гляди-ка. Пришел, наконец. Сколько лет? Сколько зим?

Я не отвечаю. Натягиваю перчатки, выхожу на мат и без разминки заряжаю по тяжелому мешку. Глухой удар проходит по залу, как выстрел в подвале. Потом еще один. И еще.

Мешок качается, цепь скрипит.

— Прекрати лупить, как грузчик на разгрузке, — лениво говорит Лёха, подходя ближе. — Ты не дрова рубишь. Корпус. Ноги. Думай.

Я добавляю двойку, апперкот, левый боковой. Слишком жестко, слишком близко, слишком зло. Он ловит мешок ладонью, останавливает.

— С кем дерешься?

— С работой.

— Врешь.

Я смотрю на него. Тренер кивает на мои перчатки.

— Когда тебя бесит работа, ты молчишь и работаешь чище. А когда тебя переклинивает, ты начинаешь ломать ритм. Как сейчас.

Я сжимаю челюсть.

— Держи лапы.

Он пожимает плечами, надевает лапы и встает в стойку.

— Давай. Только не устраивай истерику, а то я тебя уважать перестану.

Я иду вперед сразу, без сигнала. Джеб, кросс, боковой в корпус. Тренер отбивает, двигается легко, почти лениво. Это раздражает. Я ускоряюсь, добавляю серию, вкладываюсь в правую. Он чуть смещается, и мой кулак вскользь срывается мимо.

— Вот, — спокойно говорит он. — Уже лучше. Почти попал по собственным проблемам.

— Заткнись.

— Не могу. У меня профессия разговорчивая.

Он дает мне короткий ответ в плечо лапой, как щелчок. Не больно, но обидно. Я снова иду вперед. Дыхание быстро становится тяжелым. Пот катится по вискам. В голове вместо счета ударов вдруг всплывает её лицо — светлое, упрямое, с прямым взглядом, который в обычный день я бы назвал дерзким. Сегодня оно почему-то не дает мне покоя.

Я промахиваюсь еще раз.

Алексей опускает лапы.

— Так. Стоп.

— Не стоп.

— Стоп, я сказал.

Я делаю шаг назад, шумно выдыхаю. Он смотрит внимательно, не как тренер — как человек, который видит трещину в броне и не собирается делать вид, что все нормально.

— Кто она? — спрашивает он.

Я усмехаюсь без веселья.

— С чего ты взял, что это она?

— Потому что из-за денег ты не бесишься, из-за дел не мечешься, а из-за людей вообще давно не дергаешься. Значит, женщина.

Я стаскиваю капу, сплевываю в урну и беру бутылку воды.

— Ты слишком умный для человека, которого били по голове пятнадцать лет.

— Это как раз тренирует наблюдательность. — Он молчит секунду. — Она замужем?

Я смотрю на него так, что любой другой затыкается. Алексей только хмыкает.

Я отвожу взгляд. На секунду передо мной снова встает она — хрупкие плечи, сотрясающиеся от плача, понурая фигура, заплаканное лицо.

— Она – проблемная. — говорю я, сам не понимая, зачем вообще это говорю.

Лёха присаживается на край ринга, стучит лапой о колено.

— А ты уже собрался решать ее проблемы?

— Я этого не говорил.

— Но подумал.

Я закручиваю крышку на бутылке так, что пластик хрустит.

— Просто есть женщины, у которых постоянно что-то случается.

— И тебя это задевает? Заставляет включить режим спасателя?

— Меня это не касается.

— Конечно, — кивает Лёха. — Именно поэтому ты приходишь сюда в девять вечера и пытаешься забить мешок до смерти.

Я натягиваю перчатки плотнее и снова поднимаю руки.

— Еще раунд.

— Думаю, на сегодня с тебя хватит.

— Держи лапы, Лёха.

Он вздыхает, но встает.

На этот раз начинает он. Заставляет меня двигаться, работать на ногах, возвращать руки к голове, не проваливаться после удара. Минуты через две я ловлю ритм. Мир сужается до его команд, моей стойки и короткого стука подошв о покрытие. Так всегда и должно быть. Просто, честно, без лишнего.

Потом он неожиданно выбрасывает левую лапу, как встречный удар. Я машинально отклоняюсь, но поздно. Касание приходится в скулу.

— Черт, — цежу я.

— Вот именно, — говорит он. — Ты снова не здесь.

Я замираю, тяжело дыша. Сердце колотится не от нагрузки — от злости на самого себя.

Лёха опускает руки.

— Послушай. — Голос у него становится тише. — На кой черт тебе проблемная баба? За тобой вон модели табунами бегают, согласные на все.

Я коротко смеюсь.

— Очень ободряюще.

Он смотрит на меня еще пару секунд и кивает в сторону канатов.

— Последний раунд. На технику. Без геройства.

Мы работаем молча. Чисто, сухо, почти без эмоций. Только в самом конце, когда я ловлю нужную дистанцию и ровно вкладываю правую в центр лапы, Лёха одобрительно крикает:

— Вот. Наконец-то ты вернулся.

Но он ошибается. Я никуда не возвращаюсь.

После тренировки я долго сижу на скамье в раздевалке, локтями в коленях, слушаю, как в трубах шумит вода. Телефон лежит рядом экраном вверх. Черный. Тихий. Я знаю, что она не позвонит. Хотя и знает мой личный номер. Да, она – проблемная, но предпочла не посвящать меня в них.

Может, и к лучшему. Может, Лёха и прав. Зачем мне чужие проблемы? Своих, что ли мало? Но все эти мысли разбиваются точно воды о скалы, едва мне стоит вспомнить о ее заплаканном лице.

ГЛАВА 8

АНТОНИНА

- Тонька, ты чего такая, будто в воду опущенная? – интересуется Маруська.

Мы с сестрой наблюдаем за тем, как Аришка собирает конструктор, сидя прямо на ковре.

На фоне включен мультит, на который Аришка поглядывает одним глазом.

- Антон звонил. – тихо отвечаю я сестре.

Та округляет глаза.

- Что ему нужно? – еще тише спрашивает она.

- Как, что? Испортить мне настроение, конечно же. Запугать. Ввести в ступор. Что ему еще от меня может понадобиться?

- А ты что?

- Я ответила, что Аришка болеет, и что навещать ее пока не нужно.

- Ну и правильно.

- Он ответил, что я плохо смотрю за дочерью. Ну, представь? Я, и плохо смотрю за Аришкой! Это немыслимо!

- Мы все прекрасно знаем, что ты – отличная мать. И он тоже прекрасно это знает. Просто вредничает.

- Пошел он, подонок конченный! – говорю я, и прикусываю язык.

Хорошо, что Аришка полностью погружена в конструктор и в мультит, и не прислушивается к нашим разговорам.

- А шеф твой что?

- Там тоже полная ж... жесьть - тихо вздрагиваю я. – Он заставил меня подыскать себе помощницу. Замену мне ищет. Чтобы я ее всему научила, а Юсупов потом меня уволит.

- Он так сказал?

- Нет.

- Ну и чего ты заранее панику нагоняешь? – хмыкает Маруська.

- Потому что я знаю, как это бывает. Ты ни за что не переживаешь, игнорируешь знаки, а потом – раз и ты безработная!

- Я думаю, Тоня, все образуется. – вздыхает Маруська. – уверенна, что это – временные трудности.

- Нет ничего более постоянного, чем временное. – парирую я с тяжелым вздохом. – А еще босс застукал меня за разговором с бывшим.

- Да ты что!

- Угу. А я позорно разревелась. Прямо у него на глазах.

- Ну... бывает... ты же человек!

- Это меня Березин до слез довел. У меня уже нервный тик от него. Скоро вся трястись буду.

- Мне вот всегда интересно. – подпирает щеку ладонью Маруська. – Вот босс увидел тебя в слезах. И что? Что он сделал?

- Ничего.

- Вообще ничего? – округляются глаза Маруськи.

- Ну... спросил, может мне помощь нужна.

- А ты?

- А я убежала в туалет. Умываться. Маруська, что за вопросы? Уж не ожидаешь ли ты, что Юсупов станет вытирать мне сопли салфеткой?

- Он тебе помощь предложил, а ты убежала, дурочка! – заявляет Маруська. – Надо было соглашаться! Авань бы и впрямь помог?

- Чем?

- Вот и увидела, бы, чем! Эх ты, соломенная башка!

- Да что Юсупов может сделать против Березина?! – возмущаюсь я.

- Морду набить, например. – хмыкает Маруська. – Он может твоим женихом притвориться и морду набить твоему Антону, чтобы не повадно было дальше издеваться над тобой!

У меня волосы дыбом встают от Маруськиных идей. Я даже не представляю себе, как такое можно предложить собственному боссу. Он – не Вася из соседнего подъезда! Не друг детства, и даже не одноклассник! Он – совершенно посторонний мужчина при статусе, деньгах... с какой стати он будет лезть в мои семейные дразги?

- У тебя что, босс, хлюпик? – продолжает свои безумные идеи Маруська.

- Ага. Хлюпик! – представляю я себе статного, здоровенного, двухметрового Григория Андреевича. – Он в прошлом вроде даже какой-то чемпион по боксу!

- Ох, нифига себе! – присвистывает Маруська. - Так тем более, Тонька, чего ты сопли жуешь? Пусть накостыляет твоему Антону по башке – быстро отучит его издеваться над тобой!

ГЛАВА 9

АНТОНИНА

Я выхожу из метро чуть раньше обычного, сжимаю сумку в озябших руках и автоматически проверяю телефон - уже без двадцати девять. Если быстро подняться, успею спокойно налить себе кофе до планерки.

Утро серое, влажное, асфальт на парковке блестит после ночного дождя. Около меня резко тормозит знакомая темная машина.

У меня внутри все леденеет еще до того, как открывается водительская дверь.

Антон.

Мой бывший муж. И самый настоящий кошмар.

Он выходит неторопливо, с той самой походкой, в которой всегда было что-то отвратительно самоуверенное, будто весь мир должен расступаться перед ним. Высокий, худой, сутулый. И как я только могла любить его несколько лет назад?! Где были мои глаза?! Где были мои мозги?!

На нем черная куртка, небритое лицо, злой прищур. Он захлопывает дверь и сразу становится между мной и входом в здание.

— Ну здравствуй, — тянет он, оглядывая меня с головы до ног. — На работу собралась? Какая примерная.

Я крепче сжимаю ремень сумки.

— Отойди, Антон.

— Что, даже не спросишь, как я? — усмехается он. — Или у тебя теперь на это нет времени? Ты же у нас деловая женщина. Карьера, офис, начальство... А дочь, значит, сама по себе. Ты же сказала, что она болеет. С кем ты оставила больного ребенка?!

Я чувствую, как в груди поднимается знакомая волна ярости. Не страха — именно ярости. За все его опоздания, обещания, исчезновения, за алименты, которые приходится выбивать, за бесконечные попытки сделать меня виноватой в его собственной никчемности.

— Не смей говорить о дочери, если опять пришел только для того, чтобы устроить сцену, — холодно отвечаю я. — Дочь с моей сестрой.

Его лицо мгновенно дергается.

— Не тебе меня учить, поняла? — цедит он и делает шаг ближе. От него пахнет тошнотворным парфюмом. — Я, между прочим, отец. И если захочу, то заберу ее себе. Очень быстро. Через суд. Через опеку. Ты вообще представляешь, что я могу про тебя рассказать?

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Попробуй.

Кажется, мой спокойный тон бесит его сильнее, чем если бы я начала плакать или оправдываться. Он привык, что его запугивания работают. Что стоит ему повысить голос — и все вокруг начинают суетиться, бояться, уступать. Но это давно больше не действует.

— Ты плохая мать, Тоня, — говорит он громче. — Эгоистка. Тебе важнее строить из себя успешную, чем заниматься ребенком. Думаешь, люди не видят, какая ты на самом деле? Думаешь, твой холеный босс не знает, кого пригрел?

Я вздрагиваю не от слов, а от того, как мерзко он это произносит. А еще мне мерзко от того, что мы в разводе уже несколько лет, а он все продолжает маниакально следить за мной, за моими успехами на работе.

— Все сказал? — спрашиваю я. — Теперь убери машину и дай мне пройти.

Он коротко смеется.

— Какая смелая. И кто же тебе смелости добавил? Юсупов? Что, защищает тебя? Вряд ли! На кой ему сдалась разведенка с...

У меня темнеет в глазах от злости.

— Ты жалок, Антон.

Секунда. Всего секунда тишины.

Я вижу, как у него меняется лицо. С него будто слетает притворная насмешка, и наружу выходит то, что я слишком хорошо знаю: тупая, грязная, оскорбленная агрессия.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что ты жалок.

Он делает еще один шаг. Теперь между нами почти нет расстояния. Я не отступаю.

— Уйди с дороги, — произношу отчетливо. — Иначе я вызываю полицию.

— Вызывай, — шипит он. — Только сначала послушай: я сделаю так, что ты свою дочь только по выходным видеть будешь. Я в опеку такие бумаги отнесу, что тебя...

Он не договаривает.

Просто резко размахивается и бьет меня кулаком в висок.

Удар такой сильный, что мир ломается пополам. Я даже не сразу понимаю, что падаю. Асфальт ударяет в бок, в ладонь, в колено. В ушах стоит жуткий звон, перед глазами расплывается небо, серое, как грязная вода. Во рту металлический вкус. Я пытаюсь вдохнуть, но воздух не идет.

Где-то сверху Антон что-то орет. Я не различаю слов.

А потом слышу другой звук — тяжелые быстрые шаги.

— Ты совсем обалдел?!

Этот голос я узнаю мгновенно. Низкий, резкий, такой, что от него даже сквозь шум в ушах по коже проходит дрожь.

Григорий Андреевич.

Я поворачиваю голову и сквозь плывущую картинку вижу, как он буквально влетает в пространство между нами. Еще секунду назад он был у своего темного джипа на другом конце парковки — высокий, в пальто, с ключами в руке, — а сейчас уже стоит над Антоном, и в его лице нет ничего привычно сдержанного, начальственного. Только ярость.

— Ты женщину ударил? — произносит он тихо, страшно тихо.

Антон успевает только дернуть плечом.

— А ты кто такой, вообще...

Договорить он не успевает. Кулак Григория Андреевича со всего размаха врежется в его наглую морду.

Убил?! Господи, о нет! Только бы босс не убил этого мерзкого ублюдка...

ГЛАВА 10

АНТОНИНА

— А ты кто такой, вообще...

Договорить мой бывший муж не успевает. Кулак Григория Андреевича со всего размаха врежется в его наглую морду с такой силой, что Антона разворачивает и швыряет на асфальт. Я слышу хруст, вскрик, вижу брызнувшую кровь. Антон хватается за лицо, ошалело матерится, сплевывает несколько зубов на асфальт, пытается подняться, но босс делает к нему шаг — и тот вдруг сжимается, как трусливая шавка.

— Еще раз приблизишься к ней или к ребенку, — говорит Григорий Андреевич, и каждое слово падает тяжело, как камень, — я не только полицию вызову. Я тебя уничтожу. Ты меня понял?

Антон бормочет что-то невнятное, сплевывает кровь. Вся его спесь испаряется в одну секунду. Он больше не выглядит грозным. Только жалким и грязным.

Еще бы! Григорий Андреевич в прошлом боксер. Кажется, он применил какой-то прием из бокса. Применил по-настоящему. От души. Не удивлюсь, если у моего бывшего мужа помимо нехватки нескольких зубов, теперь еще и нос сломан, или серьезное сотрясение мозга.

Григорий Андреевич даже не смотрит на него больше. Разворачивается ко мне, резко опускается на корточки.

— Антонина, — его голос меняется сразу, становится низким, собранным, почти бережным. — Посмотрите на меня.

Из здания выбежали несколько охранников и сотрудниц. Охранники тихо присвистывают и матерятся, женщины испуганно охают. Юсупов не обращает на них никакого внимания.

Я пытаюсь сфокусировать взгляд. Его лицо совсем близко. Суровая складка между бровями, сжатые челюсти, тревога в глазах — такая явная, что у меня на секунду перехватывает дыхание сильнее, чем от удара.

— Я... в порядке, — шепчу я, хотя сама слышу, как нелепо это звучит.

— Вы не в порядке.

Он осторожно касается моих волос у виска, и его пальцы тут же пачкаются в крови. Я вижу, как он бледнеет.

— Черт, — выдыхает он сквозь зубы. — Тошнит? Сознание теряли?

— Нет... просто голова кружится.

Я упираюсь ладонью в асфальт, пытаюсь подняться.

— Нам надо в офис. Планерка через...

Мир мгновенно качается. Парковка плывет, линии машин расползаются. Если бы он не подхватил меня за плечи, я бы снова рухнула.

— Никакой работы, — отрезает он. — Даже не думайте.

— Григорий Андреевич, правда, я могу...

— Антонина.

Он произносит мое имя так, что я замолкаю. Не как начальник. Как человек, который смертельно напуган за меня и сейчас из последних сил держит себя в руках.

Он одним движением поднимает меня на руки. На глазах у охраны и сотрудниц. Ох, какие сплетни теперь пойдут про меня...

Я инстинктивно хватаюсь за лацканы его пальто.

— Что вы делаете?

— Вам надо в больницу, — коротко отвечает он и идет к своему джипу.

От него пахнет холодным весенним воздухом, и дорогим парфюмом. Я слышу, как быстро бьется его сердце, или, может, это мое собственное отдается в ушах. Мне стыдно за

свою слабость, за кровь на щеке, за то, что я прижимаюсь к нему, потому что иначе не удержаться в этой качающейся реальности. Но он несет меня так уверенно, будто я ничего не вешу.

Сзади доносится хриплый шепелявый голос Антона.

— Это не конец, Тонь! Слышишь? Я еще...

— Заткнись, — даже не оборачиваясь, бросает Григорий Андреевич.

И этого одного слова хватает. На парковке воцаряется тишина. Кивком головы Юсупов указывает охране, чтобы они убрали Антона с парковки.

Григорий Андреевич усаживает меня на переднее сиденье, пристегивает ремень сам — быстро, аккуратно, так близко, что я вижу у его виска тонкую пульсирующую жилку. Потом достает из бардачка большую упаковку влажных салфеток и протягивает мне.

— Вот. Прижмите к виску.

Я слабо улыбаюсь, хотя губы дрожат.

— Да правда все нормально... Я сейчас немного приведу себя в порядок и смогу приступить к работе.

Он смотрит на меня несколько секунд, и в этом взгляде столько усталого раздражения, тревоги и... нежности, что у меня внутри что-то болезненно сжимается.

Потом он коротко хмыкает.

— Удивительная женщина, — говорит он, заводя мотор. — У нее кровь на лице, а она думает о работе.

Я прижимаю салфетку к виску и морщусь.

— Кто-то же должен думать о планерке.

— Планерка обойдется без вас. Мир не рухнет.

— Вы недооцениваете масштаб моей незаменимости.

Уголок его рта едва заметно дергается. Почти улыбка. Но руки на руле по-прежнему сжаты слишком сильно.

Он выезжает с парковки так резко, как я никогда до этого не видела. Обычно он водит с безупречной, почти холодной точностью. Сейчас в каждом его движении чувствуется сдерживаемая ярость.

— Заявление напишете, — говорит он, глядя на дорогу.

— Что? — бледнею я от страха, что он меня уволит.

— На него. Сегодня же.

Я молчу.

— Антонина, — теперь голос мягче, — такие вещи нельзя оставлять безнаказанными.

Я опускаю взгляд на окровавленную салфетку.

— Я знаю. Но... не хочу пачкать свои руки об это... дерьмо.

ГЛАВА 11

АНТОНИНА

Больница, куда везет меня Григорий Андреевич, оказывается не обычным травмпунктом, а дорогим частным медицинским центром в стекле и светлом камне. Уже с порога становится ясно, что его здесь знают. Стоит нам войти, как администратор за стойкой мгновенно выпрямляется.

— Доброе утро, Григорий Андреевич.

— Доброе, — коротко отвечает он. — Нужен невролог, травматолог и КТ головы. Срочно. После удара.

На меня смотрят уже совсем иначе — не как на очередную пациентку, а как на человека, которого привезли под личную ответственность очень важного клиента. Мне неловко от этого внимания. От запаха антисептика, яркого света и гула кондиционеров начинает подташнивать сильнее.

— Присядьте пока, пожалуйста, — мягко говорит девушка за стойкой.

Но сестра я не успеваю. Григорий Андреевич придерживает меня под локоть, словно чувствует, что ковровое покрытие под ногами опять становится ватыным.

— Осторожно, — тихо говорит он. — Не спешите.

Меня оформляют за считанные минуты. Медсестра что-то спрашивает про документы, полис, дату рождения. Я отвечаю с запинками, а потом вижу, как босс достает свою карту.

— Подождите, — тут же шепчу я. — Это же, наверное, очень дорого.

Он даже не смотрит на меня, подписывая бумаги.

— Антонина, сейчас вас лечат, а не обсуждают цену.

— Но я не могу позволить...

Наконец он переводит на меня взгляд — спокойный, но такой твердый, что спорить почти невозможно.

— Все расходы за счет компании. И, пожалуйста, перестаньте переживать хотя бы об этом.

— За счет компании? — тупо переспрашиваю я.

— Да. Считайте это вопросом безопасности сотрудника. И моей личной настойчивости. В его голосе слышится едва заметная теплота, и у меня почему-то щиплет глаза.

Меня ведут сначала на осмотр, потом на КТ. Григорий Андреевич не отходит далеко ни на шаг. Разговаривает с врачами коротко, по делу, но в каждом его вопросе слышится тревога, которую он старается скрыть.

— Потери сознания точно не было?

— Нет, — отвечаю я. — Только голова кружится.

— Тошнота?

— Есть.

— Зрение двоится?

— Иногда.

После томографии меня отправляют сдавать кровь. Вот тут меня окончательно накрывает. Я всегда плохо переношу вид крови, а сейчас, после удара, тело будто вообще перестает мне подчиняться. Когда медсестра надевает жгут, я чувствую, как холодеют пальцы.

— Расслабьте руку, — просит она.

— Я стараюсь, — шепчу я.

У меня мгновенно темнеет в глазах. Я отворачиваюсь, дышу часто и неглубоко, и вдруг чувствую, как чья-то ладонь крепко сжимает мою, свободную.

Я поворачиваю голову. Григорий Андреевич стоит рядом, слишком большой и слишком серьезный для этого маленького процедурного кабинета, и держит меня за руку так уверенно, будто это совершенно естественно.

— Смотрите на меня, — говорит он. — Не туда.

— Мне сейчас станет стыдно, — пытаюсь пошутить я. — Я взрослая женщина.

— Тогда ведите себя как взрослая женщина и не падайте в обморок.

Я невольно слабо улыбаюсь.

— Очень поддерживающе.

— Я стараюсь.

Медсестра тоже улыбается краешком губ.

— Всё, уже почти готово.

С его рукой мне и правда легче. Не потому что страх уходит совсем, а потому что он как будто делит его со мной пополам. И это настолько не похоже на моего обычного, сурового, закрытого начальника, что я до сих пор не могу уложить в голове: это все происходит по-настоящему?!

Потом мы сидим у кабинета врача. Я утыкаюсь взглядом вниз, а Григорий Андреевич что-то быстро просматривает в телефоне, но я замечаю: это не почта и не рабочий чат. Он просто открывает заметки и что-то туда записывает.

Когда нас наконец приглашают, он заходит вместе со мной, даже не спрашивая разрешения. И почему-то это тоже кажется правильным.

Врач — мужчина лет пятидесяти в очках — внимательно изучает результаты, задает вопросы, светит мне фонариком в глаза, просит следить за пальцем, потом откидывается на спинку кресла.

— Сотрясение мозга средней степени, — произносит он. — Госпитализация не обязательна, но строгий домашний режим минимум на неделю. Лежать, минимум нагрузки, никакого компьютера, телефона по возможности тоже. Сон, покой, отсутствие стресса.

— Неделю? — у меня вырывается слишком громко. — Но я не могу неделю!

Врач смотрит поверх очков.

— Можете. Если не хотите осложнений.

Я поворачиваюсь к Григорию Андреевичу почти в панике.

— У нас важный контракт, встречи, планерки... Я столько пропущу. Вы же...

— Что — я? — тихо спрашивает он.

— Ну... вы же не будете довольны.

Он вдруг хмурится так резко, что я осекаюсь.

— Антонина, вы всерьез думаете, что после того, как вас ударили и врач диагностировал сотрясение, я буду обсуждать с вами контракт?

Я молчу.

— И что я могу вас уволить за больничный?

Я еще сильнее сжимаю пальцы на сумке.

— Я не знаю... Вы требовательный.

— Требовательный — не значит чудовище, — отрезает он. Потом уже мягче добавляет: — Иногда вы приписываете мне лишнее.

Мне становится стыдно.

Врач тем временем листает анализы.

— И еще. У вас низкий гемоглобин. Плюс признаки дефицита витаминов. Питание нерегулярное?

Я невольно усмехаюсь.

— Скорее... экономное.

— Это надо менять, — строго говорит он. — Красное мясо, рыба, яйца, овощи, фрукты, зелень. И препараты железа, я выпишу. Иначе слабость, головокружения и дальше будут только усиливаться.

Я киваю, хотя внутри все сжимается. Красное мясо. Рыба. Фрукты. Звучит почти как список из чужой жизни.

Краем глаза замечаю, что Григорий Андреевич снова открывает телефон и быстро печатает.

— Вы что, записываете? — не выдерживаю я.

Он даже не смущается.

— Да.

— Зачем?

— Потому что вы в таком состоянии половину забудете.

Я не нахожу, что ответить.

Из центра он выводит меня уже совсем медленно, придерживая под спину. На улице свет кажется слишком ярким, и я жмурюсь. Он усаживает меня в машину, включает печку потише и спрашивает:

— Домой?

— Может... все-таки в офис? — делаю слабую попытку я.

Он даже не удостаивает эту идею полноценным ответом.

— Нет.

Едем молча. Мне нехорошо, но рядом с ним почему-то спокойно. И только когда джип сворачивает в мой двор, я удивленно поворачиваюсь к нему.

— Подождите. Я же не говорила вам адрес.

Он паркуется у подъезда и глушит мотор.

— Не говорили.

— Тогда откуда вы знаете, где я живу?

На его губах появляется едва заметная, странная улыбка.

— В отделе кадров есть не только ваш номер телефона.

Я смотрю на него с подозрением.

— То есть вы навели обо мне справки?

— Не льстите себе, Антонина. Я просто взял адрес сотрудницы, которую нужно безопасно доставить домой.

— А звучит почти романтично.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— Не провоцируйте меня на лишние комментарии. Пойдемте.

Он выходит, обходит машину, открывает мою дверь и подает руку. Я пытаюсь встать сама.

— Видите? Мне уже лучше...

И в ту же секунду мир снова качается. К горлу подступает тошнота, колени подкашиваются. Я едва успеваю ахнуть, как он уже подхватывает меня.

— Ну конечно, лучше, — сухо говорит он.

— Я сама дойду, — протестую без особой уверенности.

— Не дойдете.

И прежде чем я успеваю возмутиться всерьез, он поднимает меня на руки.

У подъезда, как назло, сидят две наши неутомимые бабушки на лавочке. Они замирают синхронно, как в немом кино. Одна даже приоткрывает рот.

— Ой, Господи, — шепчет первая.

— Какой мужчина, — восхищенно отвечает вторая, даже не пытаясь шептать.

Я закрываю глаза.

— Всё, теперь до вечера весь двор будет знать, что меня привезли на крутом джипе и внесли на руках.

— Главное, что внесли живой, — невозмутимо замечает Григорий Андреевич.

В лифте он меня не опускает. Я чувствую себя одновременно ужасно неловко и странно защищенно. Одна рука у меня на его плече, другая машинально сжимает ворот его пальто.

— Какой этаж? — спрашивает он.

— Третий.

Через минуту мы уже стоим у моей двери. Поскольку руки у него заняты мной, стучит он костяшками пальцев.

За дверью слышатся быстрые шаги, потом щелкает замок. Маруся распахивает дверь и застывает. Ее взгляд сначала падает на мое бледное лицо, потом на босса, который держит меня на руках, потом снова на меня. Нижняя челюсть у сестры буквально едет вниз.

— Тоня... — выдыхает она. — Это что еще за...

И тут окончательно переводит взгляд на Григория Андреевича.

— Ох. Здрасьте.

ГЛАВА 12

АНТОНИНА

Маруся видит у меня на виске здоровенный кровоподтек и все понимает без слов.

— Антонину Александровну нужно уложить в постель, — командует Григорий Андреевич таким тоном, будто проводит внеплановое совещание по спасению нерадивых сотрудников. — Покажите, куда ее отнести.

Маруся от неожиданности даже икает и машет рукой в сторону единственной комнаты в моей съемной однушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.